

Раёк

Чувство вины за то, что я прозевал Тверь, терзало меня и не давало спокойно путешествовать. Может, поэтому я пренебрег правилами повествования, заданными Радищевым и Пушкиным, заметив указатель: «*Раёк – 3 км*».

Как тут проехать мимо? Пусть не сам рай, пусть лишь Раёк, но зато всего три километра. Как ни торопился, все же свернул с дороги налево, сразу после моста через речку Логовежь.

Проехав указанное расстояние, я неожиданно увидел среди лесов, полей и рек роскошные постройки с коллонадами, башнями и ротондами. Эти строения, хоть и были заброшены, сохранились отлично и для своего восстановления требовали бы незначительных усилий. Комплекс этот мог бы украсить любой провинциальный и даже столичный город, а такой резиденцией мог бы гордиться какой-нибудь посол или даже государь небольшой державы. Здесь же строения стоят всеми забытые и заброшенные.

Рядом с постройками – с десятков деревенских изб, в которых обитают жители этого странного поселения. Лай собак, спровоцированный моим внезапным появлением, вызвал на улицу нескольких пожилых женщин. На мой вопрос «Что это здесь такое?» они ответили, что и сами толком не знают, хотя живут здесь уже по сорок лет. Мне посоветовали обратиться к Галине Ивановне, которая «все знает и всегда охоча до разговору». Галина Ивановна, между тем, уже сама выходила мне навстречу.

Поздоровавшись, я спросил: «Что это за деревня такая странная?»

– Это не деревня и не село, это местечко Раёк. Мы ни к кому не приписаны и никому не принадлежим, – ответила Галина Ивановна.

Из её слов я узнал, что построила все эти сооружения Екатерина Вторая, а уже потом они перешли во владение к некоему Дубасову. После революции здесь долгое время располагалась детская колония макаренковского типа. Затем комплексом владело тверское

предприятие «Центросвар», которое здесь устроило туристическую базу. Ну а в последние годы сооружения оставались вообще бесхозными и вроде бы ничьими. Сюда приезжал батюшка и просил, чтобы ему передали одно из зданий для церкви, но ему отказали. Что касается названия, то, по словам Галины Ивановны, когда проезжавшая мимо Екатерина Вторая здесь остановилась и решила пройти пешком, было очень грязно, и тогда она сказала: «Фу, какая тут грязь!» И все-таки дошла до этого места, посмотрела имение и сказала: «А вот здесь хорошо, здесь словно маленький раёк». Так и осталось с тех пор это название.

– А вы где-нибудь работаете? – спросил я.

– Нигде мы не работаем. Мы – ничьи, а живем в Советском Союзе.

Галина Ивановна работала в своё время в этой самой детской колонии, и все, кто здесь живет, тоже. Техничками, кастеляншами, посудомойками на кухне, в столовой. Потом также все работали на турбазе. Галина Ивановна – в пункте проката. Теперь, когда ей шестьдесят пять лет, она на пенсии. Получает двести тысяч рублей, но выплачивают пенсию с задержками на три-четыре месяца. Живут они вдвоем с мужем, который все время возится в сарае или на огороде.

– Держим коз, овец, потому что, если их не держать, то неизвестно, что будет, – говорит Галина Ивановна. – Жить очень

трудно, просто каторга. Хлеб у нас в Марьине, соседнем селе, стоит две тысячи триста пятьдесят рублей. Ты попробуй его купи, буханку! Иногда сын немного подбрасывает денег, но у него самого двое детей.

Ничего себе, Раёк!

Но вот Галина Ивановна сказала, что ей пора доить коз. У меня тут же возникла идея эту процедуру посмотреть и затем описать. «Может, это и будет компенсация за Тверь?» – думал я и даже представил название будущей главы: «Дойка козы в Райке».

Галина Ивановна, не посвященная в мои замыслы, возражать против присутствия на дойке не стала, но лишь сказала, что надо обязательно надеть что-нибудь на голову. Видимо, у нее такая традиция: не входить в хлев к животным с непокрытой головой. Она принесла какую-то старую вязаную шапочку, к которой у меня не было никакого доверия. Я предпочел приспособить на голову свой шарф, повязав его вместо платка, благо никто меня здесь не увидит.

Надо сказать несколько слов и о том, как выглядела Галина Ивановна.

Это была невысокого роста пожилая женщина, в очках, в грязной телогрейке, в таких же грязных трикотажных штанах и в серых старых валенках с галошами. На голове у неё была какая-то странная вязаная шапочка, налезавшая ей на лоб, и поверх этой шапочки был повязан еще и красный платок. От неё пахло козой за несколько метров, но всё это меня нисколько не смущало. Речь Галины Ивановны была живой, даже энергичной, без каких-либо признаков деревенской лексики. Обращалась она ко мне сразу на «ты» и уже через несколько фраз приглашала к себе в Раёк на лето отдыхать. Я, на всякий случай поинтересовавшись насчет туалета и ванны, с благодарностью принял её предложение. Итак, мы пошли в хлев доить коз.

Галина Ивановна, какой мы ее описали, с большой эмалированной кастрюлей шла впереди, а за ней очень осторожно шагал я, с повязанным на голове шарфом, в новом и дорогом черном пальто, с диктофоном и записной книжкой в руках, с фотоаппаратом на шее. А шёл я очень осторожно, чтобы не вступить окончательно в то, во что отчасти уже вступил. При этом на меня лаяли, буквально срываясь с цепи, все собаки, которых сдерживала Галина Ивановна.

Наконец, мы зашли в хлев... И тут на меня кинулось всё, что только там находилось: овцы, козы и, кажется, кто-то еще, исключая здорового козла, обитавшего, к счастью, за оградкой. Бросились они на меня с радостным криком, с бляньем и беканьем, стали ко мне

прижиматься, тереться о мое пальто и тыкаться в меня своими влажными физиономиями. При этом они все почему-то смотрели прямо мне в глаза, а я не мог сделать даже шага, потому что при малейшем моем движении они начинали еще более активно и теснее прижиматься. И отступить было некуда: во дворе поджидали злющие собаки, и без Галины Ивановны делать там было нечего.

В хлеву, помимо всего прочего, были еще трое или четверо маленьких черненьких ягнят и двое таких же маленьких, только беленьких, козлят, которых, если видишь по телевизору, хочется взять на руки и прижать к себе. Однако здесь мои руки были заняты диктофоном, а кроме того, неизвестно, как могут прореагировать на это большие овцы, козы и, главное, козел: были случаи, когда в общем-то безобидная курица выцарапывала людям глаза за своего цыпленка. Кто знает, как эти себя поведут? Перегородка-то в хлеву символическая, а козел с рогами – самый что ни на есть настоящий...

Галина Ивановна тем временем прошла за перегородку к козам, которых собиралась доить... Надо видеть, как она вообще вошла в хлев. Как мать к своим детям. Она говорила им самые ласковые слова, гладила их, ласкала, хвалила:

– Деточки мои дорогие, хорошенькие, миленькие, послушные... А вот мой Боренька, а это Марточка, а вот это еще один Борька, – представляла своих питомцев Галина Ивановна. – У меня все барашки бореньки, а козочки – марточки... Красавицы мои, погуляли – теперь надо подоиться. Обязательно надо.

– А если не поговорить с ними ласково, так и доиться не будут? – не найдя ничего более разумного, спросил я.

– Они любят ласку. И корова любит, и всякое животное любит ласку, и овцы любят. Они у меня все очень ласковые, и бараны, и козлы... Тебе козла показать?

– Нет-нет, я и так уже их всех вижу, – тотчас ответил я.

– А то зайди вот сюда, за перегородку, посмотри, он хороший у меня, добрый, послушный... Возьми, погладь его, – настаивала Галина Ивановна.

– Да зачем же мне его гладить и раздражать животное? Пусть уж оно там себе стоит, – вступился я за козла.

А Галина Ивановна, встав на колени у одной из своих марточек, стала её доить, приговаривая самые ласковые слова. Послышались характерные звуки от тоненьких струек молока по дну кастрюли.

Я в это время стоял у двери неподвижно, всё более мучаясь своим безвыходным положением и поглядывая на часы: доить, оказывается, предстояло не одну, а целых пять коз, поэтому «экспедиция» моя явно затягивалась.

– А сколько, интересно, у козы сосков? – любопытствовал я.

– Два. Там есть еще маленькие такие сосочки, но они не дотянутся, – пояснила Галина Ивановна, переходя от одной козы к другой.

Так продолжалось примерно минут тридцать-сорок, но в конце концов мои мучения закончились. Галина Ивановна подоила своих козочек, погладила козла, овечек, борек и со словами «Слава Тебе, Господи!» вывела меня из хлева. Она вновь провела меня по двору между лающими собаками, и только тогда я вновь почувствовал себя свободным и независимым.

– Попьёшь молочка? – предложила Галина Ивановна.

– Нет-нет, что вы! У меня от молока всегда начинается расстройство желудка, – отказывался я, отряхивая пальто и вытирая об опавшую листву свои безнадежно испачканные туфли. Но Галина Ивановна сказала, что козье молоко как раз укрепляет желудок и его специально для этого люди пьют.

– Так то люди, а у меня, как раз от козьего молока хуже всего, – выкручивался я и стал объяснять Галине Ивановне, что еще надо добираться до Торжка, где вроде бы меня кто-то ждет.

Я торопливо поблагодарил Галину Ивановну и, заверив, что обязательно заеду к ней как-нибудь в гости, покинул блаженный Раёк...

Немного отъехав, я остановился прямо в поле и вышел из машины, чтобы еще раз отряхнуться от налипшей ко мне шерсти, как следует почистить ботинки и просто подышать воздухом после хлева. Прделав эту кропотливую работу, я сел в автомашину и, проехав несколько метров, вновь остановился. Почему-то я вспомнил неотрывно глядящие на меня овечьи глаза...

И мне, вдруг, стало непереносимо грустно, а еще более того – стыдно. Я побывал во многих великих соборах, в самом Храме Гроба Господня в Иерусалиме, и ни в одном из этих храмов я не ощущал себя столь бесконечно далеким от Того, к Которому, как мне казалось, приближался, как в том маленьком сарайчике в Райке. Он – родился в таком хлеву! А мне даже полчаса там находиться было противно. Какая глубокая пропасть и какое чудовищное расстояние! Разве не стоило завернуть в Раёк, чтобы об этом узнать?